

Пашкевич Ольга Иосифовна

**ПОЧИТАНИЕ СТИХИИ ОГНЯ КАК ОСОБЕННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ
НАРОДОВ СЕВЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)**

Статья раскрывает особенности мировосприятия коренных народов Якутии, в частности, представление о структуре Вселенной как состоящей из трех миров: Верхнего, Среднего и Нижнего. В литературе народов Якутии ярко описывается священная для людей Среднего мира Природа. Для народов Севера характерно почитание духов-хозяев. Особое место занимает культ духа-хозяина домашнего очага. Автор акцентирует внимание на отражении данного обряда в содержании художественных произведений и в использовании стихии огня в изобразительных средствах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 162-165. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.512.157.091:398.31

Филологические науки

Статья раскрывает особенности мировосприятия коренных народов Якутии, в частности, представление о структуре Вселенной как состоящей из трех миров: Верхнего, Среднего и Нижнего. В литературе народов Якутии ярко описывается священная для людей Среднего мира Природа. Для народов Севера характерно почитание духов-хозяев. Особое место занимает культ духа-хозяина домашнего очага. Автор акцентирует внимание на отражении данного обряда в содержании художественных произведений и в использовании стихии огня в изобразительных средствах.

Ключевые слова и фразы: национальное мировосприятие; мифология; обряд; культ огня; изобразительные средства.

Пашкевич Ольга Иосифовна, к. филол. н.

Якутский институт водного транспорта (филиал)

Новосибирской государственной академии водного транспорта

Pashkevich1960@bk.ru

ПОЧИТАНИЕ СТИХИИ ОГНЯ КАК ОСОБЕННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ НАРОДОВ СЕВЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)[©]

Национальное мировосприятие отличается, прежде всего, тем, как оно трактует происхождение мира и всего находящего в нем. Основной формой общественного сознания до широкого распространения в массах научных знаний была мифология. Любая мифологическая тема не обходит вопроса о происхождении и устройстве Вселенной, что подтверждает и якутская мифология. В ней воплощен свой вариант сотворения земли, человека и животных добрыми и злыми силами – *айыы* и *абааһы*. В тюрко-монгольских мифологиях мир представляется трехсоставным. Три мира: Верхний, Средний и Нижний образуют единую систему мироздания.

Структура вселенной, согласно представлениям народа Саха, предполагает наличие трех миров: Верхнего – небес, Среднего – Орто дойду, земли и Нижнего – преисподней.

Средний мир – это просторная и изобильная страна. На ее поверхности реки и озера, в водных глубинах которых плавают рыбы, леса и горы, полные дичи, на зеленых лугах и полях пасется скот. На этой земле живут якуты, эвенки, эвены и другие народы.

Живописно и красочно описывается в литературе народов Якутии священная для людей Среднего мира Природа. Каждое природное явление, по представлениям народов Севера, имеет свою душу. Так, в частности, якуты верили, что в Среднем мире, кроме людей и животных, живет большое количество духов-хозяев (иччи) гор, рек, озер, лесов, дорог. Можно провести параллель почитания определенных стихий на Востоке и народом саха. Например, в Китае выделяют пятичленный ритм стихий: дерево рождает огонь, огонь – землю, земля рождает металл, металл – воду, вода – дерево.

Наиболее почитаемым у якутов из рассматриваемых духов был дух-хозяин домашнего очага или домашнего огня. Исследователь традиционных религиозных верований якутов Н. А. Алексеев отмечает, что «необходимо отличать почитание огня вообще от почитания духа-хозяина домашнего очага» [2, с. 68].

Богатый материал о магических свойствах огня представлен в этнографическом исследовании «Якуты» В. Л. Серошевским. Он пишет: «Огонь бывает различный: бывает “огонь священный” (“айыы уота”): это тот, который высекают над павшим шаманом. Бывает огонь – создание Улу-тоёна (Улу-тоен уот тёрдэ онгорулуулах); огонь полезный, огонь обыденного обихода; ему приносят в жертву “белого жеребца”. Бывает, наконец, огонь ужасный, все истребляющий, “порождение подземного старика” (аллара огонньорь онгорулах уот иччитэ), которому приносят в жертву красного как кровь, с темной спиной и белой мордой жеребца (кысылкан турогас, ураниктах, сырайыэр). Никто не знает, какой у него горит на камине огонь...» [16, с. 641-642].

Один из основоположников якутской литературы А. Е. Кулаковский дает духу-хозяину огня следующую характеристику: «Это самый великий из всех иччи, возводимый до степени божества и почитаемый больше богов. Для него создан целый особенный культ. При всяком выдающемся случае жизни, при всяком торжестве или радостном событии должны почтить “Уот иччитэ” жертвоприношением ему: бросают в огонь из лучших частей съедобного или выливают масло...» [12, с. 30].

Такое отношение к огню на Севере объяснимо суровыми климатическими условиями. От тепла в этом краю в прямом смысле слова зависит жизнь. Недаром родилась якутская поговорка: «выходим – снег белеет, заходим – огонь краснеет, вот и все новости».

В романе Болота Боотура «Пробуждение» русский Алексей, делясь познаниями местных обычаев, говорит: «Якут без огнива ни шагу не сделает... Мой хозяин обычно прячет сперва за голенище огниво и нож, а потом только идёт на проверку своих самопалов...» [3, с. 72].

Разожжённый в опустевшем жилище огонь, возвращение к родному очагу вызывает у героев произведения огромную радость: «Гори, разгорайся, мой огонь, и больше никогда не гасни! – воскликнул громко Хабырыыс, сидя на лежанке и обнимая колени, как это делал он в детстве...» [7, с. 131].

Одной из сильнейших обожествляемых юкагирами сил природы, почитаемых и сегодня, остается огонь.

Одушевленный огонь предписывает обращение с ним как с таковым. В романе Семена Курилова «Ханидо и Халерха» мы наблюдаем следующие запреты: нельзя мешать человеку во время кормления огня, нельзя плевать в него, так как эти действия будут иметь негативные последствия для человека. Поэтому плевков шамана Каки в очаг охотник Пурама воспринимает как личное оскорбление:

«– Ланга, – сказал он, угрожающе бросив на пол рукавицы, – я что-то не помню, чтобы в моем тордохе гость в очаг плевал... А ну, собачий помет, вынь плевков из огня. Рукой – вынь» [13, с. 370].

При обращении с огнем предписывается осторожность, почтительность, наказуемы забывчивость и невнимательность. Лесной пожар рассматривается как наказание людей духом огня за какое-либо нарушение гармонии их взаимоотношений. Восстановление гармоничных отношений возможно через «кормление огня». Семен Курилов пишет, что люди поливали костры рыбьим жиром, бросали в него рыбы пупки. Обращаясь к огню, юкагиры величали его «властелин-огонь Мэру», «великий огонь Мэру», «великий хайче, огонь Мэру» [13].

Писатель замечает, что «с обыкновенным костром связана вся история здешних народов» [Там же, с. 555]. Он объясняет, что разжечь большой костер в тундре – непросто, так как мало топлива. Раньше костер разводили в печальные времена голодные охотники, чтобы согреться и побеседовать в тепле, потом это стало ритуалом.

В романе описание большого костра дано в связи с крещением тундры. Охваченные «истеричной страстью к огню» люди начали бросать в костер даже нарты, за которые на ярмарке давали целого оленя. Вокруг огня исполняется старинный ритуальный танец. «Танец-хоровод долгие годы был общим для юкагиров, ламутов и чукчей», – поясняет С. Курилов [Там же, с. 558]. Одним из главных исполнителей в романе выступает Ниникай. Находясь во главе хоровода, он выражает заветное желание о том, чтобы люди тундры соединили свои костры и сердца, и тогда ледяной ветер не одолеет их.

Слова Ниникая о том, что один ледяной ветер сечет наши лица и души, подчеркивает схожесть природных условий, которые, как было сказано выше, оказали влияние на формирование менталитета северных народов [13].

Общим, встречающимся и в якутской, и в юкагирской литературе, является описание огня как источника получения информации. К поведению огня относятся очень внимательно. По его щелчкам гадают о предстоящих изменениях, их положительном или отрицательном характере. Так, размышляя о предстоящем промысле, охотник выбирает направление своего маршрута. «Огонь, – пишет Семен Курилов, – может возражать человеку или подтверждать его мысли; в костре что-то пищит, и пищит по-разному: писк бывает протяжный и жалобный, а бывает короткий, отрывистый – значит, согласный, вселяющий веру» [Там же, с. 556].

Отголоски аналогичных верований мы наблюдаем в романе Софрона Данилова «Бьётся сердце». Когда Сергей Аласов предлагает Майе пойти в клуб на танцы, она отказывается, ссылаясь на то, что «в печи затрещало». В примечании к произведению поясняется: если в то время, когда решается дело, послышится в печи треск или свист, то якуты принимают противоположное решение, объясняя тем, что дедушка-огонь запрещает [9, с. 500].

Огонь кормят, испрашивая нечто желаемое: здоровье, благополучное преодоление опасности в дороге, удачу в охоте и рыболовстве, т.е. перед ожидаемым событием и после свершения в знак благодарности: «Обычай такой есть – огонь угощать. От охотника, пренебрегающего им, удача отворачивается» [5, с. 20].

Интересно отметить, что, анализируя символику огня в поэтической структуре фантастических сюжетов русских романтиков – Н. Гоголя, В. Одоевского, М. Загоскина, В. Олина и других, – Н. П. Иванова приходит к выводу о том что «огонь как двойственная по своей сущности стихия приобретает в романтическом сюжете семантику деструктивного начала, всеразрушающего бедствия, обманчивого света, адского пламени» [11, с. 89]. В произведениях якутских писателей, наоборот, огонь чаще всего выступает как созидающая сила, добрый помощник людям.

Например, в первых главах поэмы «Письмена на бивнях мамонта» [6] народный писатель Якутии Иван Гоголев описывает процесс освоения древними людьми берегов могучей Лены и приспособление их к суровым условиям Севера. Как показывает поэт, предки якутов вышли «в сторону звезды Полярной» и нашли «край обетованный», который стал для них «отчим краем». Далее пишется о том, как суровый край испытывает пришельцев гололедицей, вьюгой, колючей поземкой. Но от всех бед и напастей оберегает людей священный огонь. Дух огня видится им в образе маленького старца, «чей рост с вершок, а сам одет в огонь», и которого называли Хатан Темерией. О нем эти строки в шестом письме произведения:

«Я верил в дружбу огненного духа,
когда косил траву, колол дрова,
вязал верши, сплетал тугие сети –
я на него с надеждою смотрел.
Казалось мне: меня он понимает
и, опершись плечом о камелек,
подмигивает дружески: “Мужайся!
Крепись, мой друг. Ведь мы с тобой вдвоем”» [Там же, с. 22].

У эвенов, также как и у якутов, был распространен культ огня-очага. Дух огня – *тов муһонни* – у эвенов выступает в виде антропоморфного существа мужского пола, похожего на человека. «Тов муһонни – добрый дух, дающий тепло. Он главный покровитель семьи, ее счастья и благополучия. Также он является главным связующим звеном между небесными божествами и различными земными духами» [1, с. 17]. *Тов муһонни*

был у эвенов советчиком во всех делах кочевой жизни. Считалось, что дух огня, хранитель человека, передаст не только свои предостережения, но и предупреждает о недовольстве или о нерасположении духов данной местности. А. А. Алексеев приводит факт, что у эвенов Северо-Западного Верхоянья существует обряд «переноса» очага, который совершается перед каждым кочеванием из одного стойбища в другое [Там же, с. 41].

В художественных произведениях о жизни эвенов встречается упоминание об огне как средстве очищения. Например, «Ариша взяла на руки ребёнка, три раза перешагнула через огонь – очищалась» [3, с. 186].

Идет речь о почитании стихии огня и в творчестве эвенкийской писательницы Галины Кэптукэ. В повести «Имеющая своё имя, Джелтула – река» [4] с костром сравнивается человеческая жизнь. «Первенец мой, затухший уголёк костра моего!» – говорит мать об умершей дочери [Там же, с. 61].

Дедушку главной героини произведения, большого умельца петя эвенкийские нимнаканы, звали Пэскэнэ, что означает «искра». И когда начинают говорить об умершем дедушке, девочке кажется, что не человек умер, а потух костёр.

Большое место занимает огонь в создании образов. Часто стихия огня употребляется для описания эмоционального состояния человека, которое видно по выражению глаз: «в глазах смешинки, такие озорные, как искорки от костра» [5, с. 226], или «вспыхнувший в глазах внука горячий огонь» [8, с. 25]. Огонь в глазах гордый [Там же, с. 81], безумный [10, с. 187], весёлый [15, с. 102], насмешливый [Там же, с. 203], недобрый [14, с. 254].

С. Данилов через сходство с огнём передаёт мыслительный процесс: «Но мысль тут же погасла, как в зимнюю ночь гаснет лёгкая искорка над трубой юрты» [9, с. 378], или «Страшные мучительные мысли, вооружившиеся бурей в душу или, напротив, вырвавшиеся пламенем из неё, тревожили...» [10, с. 511].

В разных значениях употребляется и эпитет «огненный»: «огненная лиса» (о чернобурке) [3, с. 25], «огненная вода» (о водке) [7, с. 242].

Слово «огонь» нередко имеет переносное значение. Например, выступает в значениях *образование* [15, с. 481], *золото* («огонь сатанинских глаз») [10, с. 90], *подвижный, непримиримый человек* [9, с. 459; 10, с. 498], *лампа* («огонь в стекле») [3, с. 209], *борьба за справедливость* [9, с. 567].

Огонь и пожар в сравнениях служат для описания явлений. К примеру: «А блестел – прямо огнём горел» (о чайнике) [3, с. 26], о конфликте: «Не прекратится и будет долго тлеть и дымиться, как затяжной лесной пожар» [8, с. 333].

Национальную ментальность, почитание северянами огня передаёт и следующее высказывание: «Запомни, сын мой Еречегей, наследник моего очага...» [Там же, с. 60].

Интересно использует сравнение двух домашних очагов для передачи национального и исторически-конкретного своеобразия якутской действительности Суорун Омоллон. В рассказе «Рождественская ночь» он описывает юрту с двумя торчащими трубами. «Из одной искры вылетали редко, нехотя и печально, словно несчастные дети-сироты... А из другой трубы искры валились густо, дружно и дерзко» [17, с. 3]. Судя по искоркам, вылетающим из труб, читатель может легко судить о социальном положении обитателей данной юрты. В половине, где искорки сверкают весело, живут люди с достатком. Хозяйка этого жилища может даже себе позволить приготовить оладьи – любимое национальное кушанье якутов. А на другой половине юрты единственное окно светится «робким пламенем, а огонь в камельке будто был придавлен какой-то тяжелой утратой или бедой и потому был тих, безмолвен и тускл...» [Там же, с. 4].

Таким образом, анализ художественных произведений литературы народов Якутии позволяет сделать вывод о том, что в творчестве писателей нашло отражение почитания северными народами стихии огня. Оно выразилось в изображении обрядов, связанных с культом огня, а также использование образа огня в изобразительных средствах.

Список литературы

1. Алексеев А. А. Забытый мир предков. Якутск: КИФ «Ситим», 1993. 96 с.
2. Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 200 с.
3. Болот Боотур. Весенние заморозки. М.: Сов. Россия, 1982. 335 с.
4. Варламова – Кэптукэ В. И. Имеющая своё имя, Джелтула – река. Якутск: Кн. изд-во, 1989. 120 с.
5. Гоголев И. М. Мечь шамана. Последнее камлание. М.: Сов. Писатель, 1992. 416 с.
6. Гоголев И. М. Письмена на бивне мамонта. М.: Сов. Писатель, 1972. 80 с.
7. Гоголев И. М. Черный стерх. М.: Сов. Россия, 1990. 272 с.
8. Далан. Глухой Виллой. Якутск: Бичик, 1993. 336 с.
9. Данилов С. П. Красавица Амга. Бьется сердце. М.: Сов. Россия, 1986. 656 с.
10. Данилов С. П. Сказание о Джэнкире. М.: Сов. Писатель, 1991. 544 с.
11. Иванова Н. П. Поэтика огня в романтическом фантастическом сюжете // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3: в 2-х ч. Ч. II. С. 89-91.
12. Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск: Книжное издательство, 1979. 484 с.
13. Курилов С. Н. Ханидо и Халерка. М.: Сов. Россия, 1988. 624 с.
14. Мординов Н. Е. Беда. М.: Сов. Писатель, 1972. 319 с.
15. Мординов Н. Е. Весенняя пора. М.: Сов. Россия, 1978. 544 с.
16. Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. М.: Российская политическая энциклопедия, 1993. 736 с.
17. Суорун Омоллон. Рождественская ночь // Полярная звезда. 1991. № 5. С. 3-8.

**VENERATION OF FIRE ELEMENTS AS FEATURE OF NATIONAL WORLD PERCEPTION
BY PEOPLES OF THE NORTH (BY THE MATERIAL OF YAKUT LITERATURE)****Pashkevich Ol'ga Iosifovna**, Ph. D. in Philology*Yakutsk Institute of Water Transport (Branch) of Novosibirsk State Academy of Water Transport
Pashkevich1960@bk.ru*

The author reveals the features of world perception by the indigenous peoples of Yakutia, in particular, the idea of the Universe structure as consisting of three worlds: the Upper, Middle and Lower. The Nature of the Middle World, which is sacred to the people, is vividly described in Yakut peoples' literature. The peoples of the North are characterized by the veneration of spirits-hosts. The cult of the spirit-host of hearth occupies a special place. The author pays special attention to the representation of this ritual in the content of works of fiction and to the use of fire elements in figures of speech.

Key words and phrases: national world perception; mythology; ritual; cult of fire; figures of speech.

УДК 81'372

Филологические науки

В данной статье рассматриваются пресуппозиционные характеристики адаптированного текста. Впервые выделяются виды пресуппозиций, которые используются в адаптированном тексте. Для этого были сопоставлены тексты Кодекса административных правонарушений и Комментария к нему, проанализирована новая информация, которая появляется в тексте Комментария. Новая информация, объясняющая текст Кодекса, представлена в виде эксплицированных интертекстуальных, внутридисциплинарных и междисциплинарных пресуппозиций. Полученные результаты исследования могут рассматриваться как рекомендации для адаптации специализированных текстов.

Ключевые слова и фразы: пресуппозиция; виды пресуппозиций; адаптированный текст; адаптация; интертекстуальность; юрислингвистика; юридический дискурс.

Первухина Светлана Владимировна, к. филол. н., доцент
*Ростовский государственный университет путей сообщения
s_pervuhina@mail.ru*

ВИДЫ ПРЕСУППОЗИЦИЙ В АДАПТИРОВАННОМ ТЕКСТЕ[®]

Проблеме адаптированного текста уделяется, на наш взгляд, незаслуженно мало внимания, ведь сфера применения этих текстов огромна – с увеличением информационного потока, который обрушивается сейчас на общество, с усложнением информации, которая становится очень специфичной, людям сложно ориентироваться в этом потоке и получать необходимые знания в таких областях, как новые технологии, медицина, юриспруденция и т.д. Адаптированные тексты помогают справиться с этой проблемой. Более глубокое изучение адаптированных текстов дает возможность получить новую информацию о характере межтекстовых связей, о трансформации информации в тексте, о текстовых категориях когезии и когерентности, что делает данное исследование актуальным для лингвистики текста.

Под адаптированным текстом понимается «облегченный текст литературно-художественного и другого произведения, приспособленный для малоподготовленных читателей или детей; применяется чаще при изучении иностранных языков» (Большой энциклопедический словарь). Это определение требует некоторых уточнений. Во-первых, такие свойства адаптированного текста как облегченность и приспособленность к восприятию читателя говорят об упрощении текста. А упрощение может быть связано с изменением формы или содержания текста. Эти направления облегчения текста выражаются разными семантическими и синтаксическими трансформациями. Этот вопрос рассматривался ранее в работах Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, С. В. Ионовой [3; 6] с точки зрения синтаксиса и композиции текста, семантические трансформации и их связь с синтаксисом подробно были описаны нами ранее [10].

Во-вторых, подготовленность читателя к пониманию текста зависит от того, насколько велики его знания о ситуации, изложенной в тексте, о понятийном аппарате этой сферы. Если мы будем говорить об адаптированных текстах не художественной литературы, а узкоспециальной, то необходимо учесть изменение стиля текста, продиктованное новыми дискурсивными условиями коммуникации, и упрощение самой информации. Некоторые понятия требуют объяснения в адаптированном тексте, что приводит к значительному приросту текста. Но если фоновые знания читателя в этой сфере велики, то при адаптации текста возможна компрессия информации. Адаптированный текст выполняет при этом другую прагматическую функцию – упоминание о чем-либо.